

Габриэль Гарсиа Маркес: «В СССР совершается настоящая революция...»

Наша встреча состоялась в городке Сан-Антонио-де-лос-Баньос, неподалеку от Гаваны, в здании открывшейся здесь недавно Международной школы кино и телевидения. Гарсиа Маркес ведет одну из ее творческих лабораторий. Одновременно он является президентом созданного на Кубе Фонда латиноамериканского кино.

— Ваши друзья, — начал я беседу, — утверждают, что, прежде чем сесть за письменный стол, вы звоните в Аракатаку (город в Колумбии, где родился писатель. — Е. Б.) и просите сообщить о том, какая там температура воздуха. После этого точно такую же температуру вы устанавливаете в своей творческой мастерской. Предположим, что существует некий универсальный термометр мировой политики. Насколько в данный момент способствует вашему творчеству ее нынешняя температура?

— Чем больше конфликтов в мире, тем больше работы у писателей. Я, конечно, предпочел бы, чтобы температура была иной. Пусть даже в ущерб работе.

Несколько месяцев назад я выступил с политической речью в мексиканском городке Истапе, на встрече «декабрьской шестерки». И говорил там об опасности ядерной войны. Я говорил, в частности, что в случае ядерной катастрофы вечные снега покроют Сахару, обширная бразильская Амазония, уничтоженная градом, исчезнет с лица Земли, от эры рок-музыки и искусственных пересадок сердца мир повернет обратно к своему изначальному примитивному состоянию. Эти слова я мог бы повторить и на международном форуме, состоявшемся в Москве. Я готов их повторять до тех пор, пока мир не избавится от ядерной чумы.

— Что может сделать писатель в этой борьбе за выживание человечества?

— Каждый может и должен сделать то, что в его силах. Форум, который прошел в вашей столице, представляется мне очень важным. Давно необходимо было собрать такое большое число деятелей культуры, искусства, науки, представителей церкви, с тем, чтобы обсудить, каковы же реальные шаги, которые мы можем сделать, чтобы предотвратить войну, избавить мир от гонки вооружений.

Прежде мне казалось, что движение за мир ничего не сможет добиться. Сейчас положение изменилось. Я считаю, что это связано с позицией М. С. Горбачева, с курсом, который он проводит.

— Как вам видится этот курс?

— В течение десятилетий меня не переставали обвинять в ревизионизме, антисоветизме, в том, что я проповедую реакционные, мелкобуржуазные идеи. А на самом деле я всегда говорил о том, что сейчас происходит в вашей стране. Я всегда считал, что та-

Кубинские коллеги предупредили меня: интервью с Габриэлем Гарсиа Маркесом можно добиваться по несколько лет. Известный латиноамериканский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе, он, хотя и начинал когда-то свой творческий путь газетчиком, избегает контактов с прессой. Возможно, для этого у него есть основания. Во всяком случае во время нашей беседы Гарсиа Маркес несколько раз бурно протестовал, когда я цитировал его высказывания, опубликованные в различных газетах мира. «Ничего подобного я никогда не заявлял, — говорил мой собеседник. — Похоже, превратно истолковывать меня вошло в привычку у некоторых журналистов».

Я сказал писателю, что его ответы будут опубликованы в «Известиях» дословно.

кие перемены нужны как Советскому Союзу, так и всему социалистическому движению в мире. Сейчас люди, которые когда-то критиковали меня, говорят: посмотри, какие замечательные вещи совершаются в России. А я ведь за эти изменения ратовал всегда, с тех пор как начал изучать мир.

То, что делает М. С. Горбачев, невероятно трудно. В Советском Союзе совершается настоящая глубокая революция. Если вашим руководителям удастся достичь поставленных целей, это станет самым важным событием для всего мира. По крайней мере за период моей жизни.

— В нашей стране знают вас не только как колумбийского писателя, но и как человека, способного понять судьбы Латинской Америки. В романе «Осень патриарха» блестяще показана атмосфера, окружающая латиноамериканского диктатора. Как вам представляется осень оставшихся «патриархов»?

— Пиночет, Стресснер... Они еще существуют. Это печально. И если мы не добьемся большего единства, они смогут вернуться и в других странах. Смогут вернуться в любой момент. Мы в Латинской Америке сейчас лучше понимаем друг друга; это лучшее взаимопонимание распространяется на правительства и народы нашего континента. Проявление этого, например, видно на отношении к проблеме внешнего долга. Однако я не хочу быть идеалистом. Угроза возникновения «новых патриархов» еще очень велика. Повторяю: положить конец их господству народы могут, лишь укрепляя свое единство.

— Вы упомянули проблему внешнего долга...

— Вопрос чисто арифметический. У латиноамериканских стран просто нет денег, чтобы выплатить долги. Единственно возможное решение — не платить их. Кстати сказать, валютно-кредитные международные организации, в которых господствуют США, тоже не заинтересованы в том, чтобы им полностью выплачивали сам долг. Они хотят того, чтобы различные страны платили лишь проценты с этого долга. Это — своеобразная форма угнетения, увековечивание порабощения и зависимости. Есть только один выход — чтобы все латиноамериканские страны договорились не платить никаких долгов.

— В Латинской Америке нет достаточного единства по отношению к центральноамериканской проблеме...

— С тех пор, как сандинисты пришли к власти в Никарагуа, у них не было времени что-либо сделать. Кроме обеспечения своей обороны. Не было времени организовать народ, наладить производство, глубоко решить проблемы образования. Они еще не успели продемонстрировать миру, плох или хорош выбор их модели развития. Но одно они сумели показать — мужество в борьбе против агрессии, свою способность защищаться, политическую и дипломатическую мудрость. Они достойны самого глубокого уважения и поддержки.

Мой собеседник смотрит на часы и поднимается с кресла. Похоже, что интервью оборвется

на полуслове, а ведь еще есть столько тем для беседы. Успеваю задать ему последний вопрос:

— Когда-то вы заявили, что будете писать «против кино». Сейчас же работаете в основном на латиноамериканский кинематограф. Что изменилось?

— Я лишь говорил, что это мой роман «Сто лет одиночества» направлен против кино, против попыток использовать его и извратить на экране. В свое время у меня ничего не получилось с кино. Сейчас положение действительно изменилось. Дело вот в чем. Лет двадцать назад латиноамериканские писатели стремились издавать свои книги за рубежом, на других языках. Они добились этого. Латинская Америка вошла в мировую литературу. Но одновременно книги латиноамериканских авторов стали читать сами латиноамериканцы.

С кино происходит то же самое. Во многих наших странах выходят прекрасные фильмы, которые завоевывают «оскары», побеждают на международных фестивалях. А латиноамериканский зритель эти картины не видит, потому что вся система распределения фильмов контролируется транснациональными корпорациями.

Я считаю, что в последние годы на континенте родился новый кинематограф. Цель Фонда латиноамериканского кино, который я возглавляю, — способствовать его становлению, добиться координации действий кинематографистов Латинской Америки. Мы говорили об объединении сил в борьбе за отмену внешнего долга. Такое же объединение важно и в латиноамериканской культуре, которая противостоит натиску голливудских «суперменов».

Перед школой кино и телевидения стоят аналогичные задачи. Нет, я не читаю здесь никаких лекций, а возглавляю лишь работу одной из творческих мастерских, в которой занято несколько молодых режиссеров. Меня интересует прежде всего тайная механика творчества. Мы разрабатываем идеи, которые рождаются в самой мастерской. Только что, например, совместно закончили сценарий полнометражного фильма. Сейчас исследую сам процесс проданной работы. Совершенно неизвестная до сего времени коллективная область творчества.

Культура — это социальное использование человеческого разума, интеллекта. Кино, как и любой другой вид искусства, способствует прогрессу и сближению людей. Что может быть важнее? И мы достигнем этого объединения, лишь бы только не разорвалась ядерная бомба...

Эти слова он уже говорил на ходу. У дверей здания школы его ждали несколько молодых людей, заметно заскучавших в отсутствие своего учителя. Гарсиа Маркес подошел к ним, обнял за плечи. И будто сразу как бы растворился, растаяла его чисто внешняя неприступность. Так в обнимку они и пошли к ожидавшему их на стоянке небольшому автобусу. К каким неведомым высотам творчества поведет он их?

Беседу вел
Евг. БАЙ,
соб. корр. «Известий».
ГАВАНА.